

Ольга Дмитриева

Болезнь

18+

Ольга Дмитриева

Болезнь

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Дмитриева О. В.

Болезнь / О. В. Дмитриева — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Данная книга представляет собой сборник юмористически-драматических рассказов о людях, природе их мыслей и чувств, добродетелях и пороках. В легкой, абсурдистской форме автор пытается ответить на извечный вопрос: «Кто есть человек?».

© Дмитриева О. В., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Болезнь	5
Одиночество человека	7
Трапеза	7
Большая любовь маленького человека	8
Лифт	9
Голос	11
Отправитель	12
Скорбь	14
Разум человека	17
Небесная редакция	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Ольга Дмитриева

Болезнь

Болезнь

Человек лежал в постели, белой простыней растекаясь по кровати и лишь свистом дыхания обнаруживая своё остаточное существование.

Приглядевшись, можно было заметить его лицо. Оно почти утонуло в гуще фланелевых простыней.

Бледный крупный лоб покрыла испарина. Она была липкая и горячая, похожая на разогретый воск. Две тёмные впадины особенно выделялись в общей топографии лица. В глубине впадин мигали, точно светлячки, два маленьких слизистых глаза. Они старательно выхватывали картины окружающего мира.

Что о теле человека: хребет его истончился, а кости при передвижении стали хрустеть. Хруст этот напоминал звук хождения по гравиию.

В комнату вошёл доктор. Следом за ним появилась суетливая женщина, жена человека.

– Доктор, – прощепетала жена. Голос у неё был на редкость звонкий. От него у человека, в который раз, в желудке возник своего рода вибрационный отклик, совершенно неприятное чувство, сродни изжоге.

– Доктор, – продолжила жена человека, – вот уже три дня, как мой муж в таком состоянии. Он постоянно что-то бормочет. А посмотрите, посмотрите, какой безумный у него взгляд!

Доктор наклонился к больному. Проверил состояние зрачков. В зрачках пациента, словно в калейдоскопе, мелькали красочные картинки. Это обеспокоило доктора.

– Скажите, дорогая, – доктор взял руку жены и отечески погладил, – не замечали ли вы за вашим мужем каких-нибудь странных метаморфоз?

– Вроде бы нет, разве что... – жена в задумчивости отвела взгляд. – Иногда он превращается в красочную лужу.

– Что, простите? – спросил доктор.

– Ну, в красочную лужу, – осторожно повторила жена. – Он растекается сначала по постели, затем переплывает, если можно так выразиться, на стену. Я ещё ругаю его, ведь у нас совсем новые обои...

– Все ясно! – доктор встал. – Ясно! У вашего мужа завёлся талант!

– Что? – жена человека побледнела от волнения, да так, что даже доктору стало её жаль. Он предложил ей сесть в кресло, а сам принёс стакан воды.

Через минуту женщина пришла в себя:

– Что же это, доктор? Где он мог его подцепить? – женщина встала с кресла и подошла к мужу. – По выставкам, небось, шлялся! – пальцем она ткнула его в плечо.

Плечо растеклось по кровати и в метаморфозе своей стало напоминать разлитые краски, но быстро собралось и стало плечом обратно.

– Поосторожней с больным, – доктор удержал её от последующих нападений на мужа. – Насилием тут не поможешь, моя дорогая. В таких случаях человеку поможет лишь вновь приобретенная почва под ногами. Понимаете, моя дорогая, вы должны напомнить ему о том, кто он есть. Сейчас у него что-то вроде расстройства личности. Он воображает, будто знает «истину», как они обычно выражаются. Не волнуйтесь, дорогая, нет-нет, он не опасен. Лучше послушайте, что вам нужно сделать. Вам нужно добиться его выздоровления, а уж ничего не выйдет, если позволить ему разлёживаться на кровати, в то время как другие люди, талантом не

заражённые, трудятся в поте лица, как мы с вами, дорогая. Поэтому, в первую очередь, вам необходимо заставить мужа выйти на работу.

Жена человека принялась судорожно записывать.

Доктор продолжил:

– Далее важно полностью изолировать вашего мужа, по крайней мере дома, от каких-либо источников или продуктов творчества. Вы должны убрать все краски, картины, книги, в общем, всё то, что может послужить напоминанием о болезни. Вы всё записали, моя дорогая? Отлично, – доктор направился к выходу, – А самое главное, не забывайте его унижать, тем самым сдерживая его гипертрофированное эго от дальнейшего роста. Напоминайте ему о том, что он обычный человек и никаким даром, – доктор хихикнул, – никаким даром не обладает.

Доктор ушёл, и человек смог в полной мере насладиться своими видениями.

Солнце охрой буравило кобальтовые небеса. Спесартиновые облака яркой нитью вшивались в картины его видений. А они все сменялись, и каждое из них человек видел с непревзойденной ясностью. И от осознания этой ясности и красоты внутри у человека затеплилось ощущение истины.

Одиночество человека

Трапеза

Чтобы не бояться воды – нужно научиться плавать.

Чтобы не бояться смерти – умереть.

Больше всего Игорь Андреевич боялся смерти. Если его знакомый серьёзно заболел или хуже того – умирал, Игорь Андреевич начинал притворяться, что он этого человека не знал вовсе.

Когда умер его дед, на вопросы о его смерти Игорь Андреевич отвечал невнятно, увиливал: «А о ком, собственно, речь идет? Вроде, есть кто-то знакомый, но он как-то пропал из вида, исчез».

Кладбище Игорь Андреевич избегал. Если родственники звали его туда, Игорь Андреевич сопротивлялся. Но противился он этому не агрессивно. Скорее, он отвечал что-нибудь вроде:

– С удовольствием, но много дел, – и добавлял туманно, – неотложных.

Игорю Андреевичу хотелось, чтобы любое происшествие, связанное со смертью, шло как бы мимо него и, не касаясь его, протекало где-то сбоку.

Лишь раз случилось ему оказаться на кладбище. Он пришёл на могилу жены. Затащили его туда её родители.

Зайдя на территорию кладбища, Игорь Андреевич абстрагировался от окружающего. Рассматривал местную архитектуру, разговаривал со сторожем (разумеется, не о смерти). Как мог оттягивал момент приближения к могиле.

Но они всё же подошли к ней. Веяло холодом. Игорь Андреевич поёжился. Рядом с могильной плитой стоял стол.

Тёща разложила на нём еду и заботливо пригласила сесть:

– Кушай, Игорёк, водочки выпей. Помяни жёнушку.

Сама тёща встала и положила конфет у надгробья, пусть, мол, «угостится».

Игорь Андреевич стоял в недоумении. «Угостится? – думал он. – Да, как она угостится-то может? Нет у неё теперь ни языка, ни зубов, ни пищевода. Желудка у неё нет. Ничего нет. И самой её нет. Так что это за издевательство такое?»

В ужасе смотрел он на трапезу родителей жены, что наполняли свои желудки в присутствии покойницы, желая ей «угоститься», хотя та была уже не в состоянии.

Он смотрел на их подвижные губы и языки, алчущие насыщения. Наконец, ему стало казаться, что они едят его жену. Едят и приговаривают: «Нежненькая-то какая попалась».

Жуют как будто не только ртом, а всем своим существом. Глаза пустые, холодные. И взгляд жадный устремлен лишь на то, что поедают:

– Да, мясо в этот раз отменное. Самое то на закуску, – торопливо проговорил тесть, засовывая в рот непомерные куски, давясь и чавкая.

Игорь Андреевич, весь белый, медленно приближался к калитке, родственники же со звериным нетерпением продолжали трапезу. Он отпер калитку и прокричал:

– Жрите-жрите, скоты, ироды! Только я вам не достанусь. Меня вы на двоих не поделите! Не дамся! Не дамся!

Игорь Андреевич кинулся бежать в сторону выхода. По пути он споткнулся, влетел головой в могильную плиту – и сразу же помер.

Большая любовь маленького человека

Неокан Авдосьевич был человеком скромным. Имел он скромные потребности. За женщинами ухаживал скромно, украдкой. Высматривал их маленькими глазками и любовался. Любовался и предвкушал. Иногда предвкушал, как знакомиться будет, иногда – как не будет знакомиться. Но предвкушал что-то всегда.

Был он человеком настолько тихим, что часто о нём забывали или не замечали вовсе. Бывало, неправильно имя напишут и не то что буквы перепутают или их порядок, а имя его писали с маленькой буквы, а потом удивлялись: «Как это мы так перепутать могли? Неясно».

Не любил Неокан Авдосьевич людные места. Не замечали его и там. То на ногу наступят, то пихнут в бок, да с такой силой враждебной, что он согнется от боли и ещё долго потом будет потирать бок, вспоминать с обидой.

Вы, верно, подумали, что Неокан Авдосьевич роста небольшого, шуплый? Нет же! Роста в нём было метр девяносто, плечи широкие. В целом вид он имел статный. Только скромным был. Ходил, пригибаясь, сутулясь, втянув голову, будто скрыться хотел от людского взгляда.

Но вот однажды что-то в Неокане Авдосьевиче переменялось. Он влюбился. Возлюбленной его стала девушка Рита. Работала она в буфете, который находился в доме, где жил Неокан Авдосьевич.

Несколько дней он на неё глядел и предвкушал. Предвкушал, как за ручку возьмёт, как щёчку нежную поцелует, как за талию тонкую обнимет.

И в один день, напредвкушавшись вдоволь, решил завязать с ней знакомство.

Встал он со стула. Расправил он плечи. Поднял он высоко голову. Пришёл он к Рите.

Завязал с ней разговор Неокан Авдосьевич, но через какое-то время стал понимать, что короткие ужимки девушки и смешки являются не признаком её девичьей застенчивости, а откровенным его высмеиванием.

– Что же вы, Неокан Авдосьевич, совсем растяпа, – замурлыкала Риточка, вытирая лужицу воды из стакана, опрокинутого Неоканом Авдосьевичем.

Горько стало Неокану Авдосьевичу.

Вышел он из буфета. Пришёл он к себе домой. Сел он в кресло напротив окна и начал смотреть на людей, мельтешащих на улице.

Горько было ему, человеку, маленькая душа которого не могла уместить в себе любовь к Риточке – такую большую и неподъемную.

Да и что это за любовь, если Риточка его всерьёз не воспринимает, а подшучивает лишь над ним.

Неполная любовь, неправильная, паршивый обрезок какой-то.

Как хотелось ему подойти к Риточке и заключить её в цепких объятиях, чтобы та успела только головку запрокинуть да выдохнуть свое «ах!».

Но он продолжал сидеть у окна и предвкушать. Предвкушать и сидеть.

Тут он заметил Риточку, выходящую из буфета. Он взглянул на часы. Видимо, рабочий день закончился.

Щёлкнуло что-то у него в голове. Кинулся он к Риточке. Вниз по лестнице наспех, наутёк, кувырком, рывком, резво.

Выбил ногой дверь. Выпрыгнул он в раз. Выбежал к ней, к ней...

Но увидел вдруг, что опоздал. Риточку держал в объятиях какой-то пиджачный тип.

Вернулся он домой, уселся в кресло и не предвкушал с тех пор ничего.

Лифт

Сегодня я впервые ночевал в лифте.

Когда после долгой утомительной поездки я почти добрался до дому, я застрял в лифте, вернее, не Я застрял (мне не нравится это выражение, кажется, будто я сам в этом виноват), а ЛИФТ застрял между этажами. Кажется, где-то между двенадцатым и тринадцатым.

Я уже достал ключи, зацепив пальцем брелок в виде черепашки. Но что мне было до этой чёртовой черепашки, когда моё тело трянуло с чрезвычайной силой, отчего показалось, будто шейные позвонки пробили череп, а моргнувший свет полоснул металлом по глазам.

Но любое происшествие, даже самое чрезвычайное, когда-либо заканчивается, уступая место тяжело дышащему спокойствию. Еще минут пять я продолжал вспоминать всех святых дев, мужей, дедов и прадедов, не упуская из памяти святых младенцев и даже языческого Бога Щура (не знаю, отчего он вообще явился на мои неблагоприятные и благо не свершившиеся похороны).

Это напомнило мне о рассказе одного знакомого. О том, как его дед перед смертью начал твердить: «Сельдерей, сельдерей, сельдерей!»

Ничего боле, ни с родными не простился, не помолился, вместо этого в горячке всё бездушный овощ звал. Странная штука смерть. Впрочем, что это я, меня она в этот раз обошла стороной.

Все еще инстинктивно подрагивающая кисть дотянулась до кнопки «связи».

– Да, – тонкие пластинчатые стены лифта отразили голос диспетчера женского пола.

– Зргастуйте! – скартавил я, и сам удивился – «С чего это я картавлю вдруг? Никогда со мной такого не бывало!», но, решив все же не выходить из роли, продолжил. – Извините, что беспокою, пргескоргбный случай имел место быть.

– Что такое? – равнодушно, с долей апломба, спросила диспетчер.

– Я застргял, вернее застргял не я, а лифт, но, вернее, застргял и я, так как лифт этот внутри содергшит меня...

– Что-то я не поняла, – ответила диспетчер. – Так вы застряли или лифт?

– Оба! – выдохнул я.

– Оба, – выдохнула диспетчер. – Я к вам бригаду вышлю, но когда они приедут, я вам точно сказать не могу. Вы, главное, не переживайте...

«Не переживайте, – передразнил я её про себя. – Легко ей говорить, сидит себе в теплом креслице да слушает, как люди от скуки и неволи мучаются. Вот он – наиредчайший вид садизма!»

Связь оборвалась. Я сел на корточки и прижался к стене лифта, с которой, казалось, сросся, образовав своего рода сложное симбиотическое существо, что-то вроде лишайника. Разожмут дверцы и не заметят меня, ставшего одного цвета со стенкой. Только глаза встрепнутя, рассекут ресницами воздух.

Так и сидел я, и сидел, заламывая пальцы, копошась в воспоминаниях, разглядывая заусенец, мысли о котором подтолкнули меня к рассуждениям об основах метафизики нравственности.

Но, в конце концов, и это мне надоело. Я стал уставать. Уставать от собственной компании, от самого себя. Что не спросишь себя, уже заранее знаешь, что ответишь и хочется сказать себе: «Простой ты, как копейка! Банальностью досыта накормишь!»

Вот и перестал я себя слушать. А чтобы совсем от своего общества скрыться, решил спать лечь. И снилось мне, что я сельдереем на диспетчера замахиваюсь.

Проснулся я от грубых тычков в плечо. И как ненавидел я в тот момент этих иродов! Как хотелось огреть их чем-нибудь, чтобы оставили меня в моём уединении, в моей ракушке, в которой я чист и перламутр, словно жемчуг этакий.

Голос

У меня обычная жизнь – в меру счастливая, полная мелких горестей и радостей, с мечтами и устремлениями. Я, окружённая большой семьёй, никогда не была обделена вниманием. Сначала родители, бабушки, дедушки, затем муж, теперь дети – я нужна всем. И, скажу честно, чаще всего это очень приятно. Ведь каждому здравомыслящему человеку нужна любовь, ощущение нужности. Часто в фильмах мы видим такого героя, он несчастен. Он щурится, направляет свой взгляд на свет, смотрит в камеру. У него очень грустные глаза, и нам поневоле хочется его обнять, посочувствовать ему. Мы сопереживаем. Его взгляд говорит: «Моя жизнь пуста без любви». Играет заунывная музыка, герой отворачивается от зрителя и уходит. Пока идут титры, мы видим несчастного героя. Он идёт под дождём, раскрывает зонт, перепрыгивает через лужи, боясь запачкать ботинки и длинный подол пальто.

Я проснулась утром, раньше всех, как обычно. Приняла душ, почистила зубы. Затем приготовила завтрак – омлет с ветчиной, приправленный прованскими травами, по чашке кофе нам с мужем и сок детям. Кошке – порцию консервов. Словом, всё было готово.

Затем я услышала, как просыпаются мои близкие. Скрип дивана, на котором мы с мужем спим, бег маленьких ножек по ламинату. Уже к этому моменту я почувствовала тревогу, будто внутри всё сжалось, напряглось, и сложно было вдохнуть до конца, но к счастью, это ощущение быстро прошло. Я позвала всех к завтраку.

Я увидела, как заходят мои близкие, как садятся подле меня. Дети выглядели сонно, потирали глаза, в то время как муж бодро разливал напитки по чашкам. Разрезав омлет, он распределил его по тарелкам. Наконец он сел, отпил кофе и, отщипнув вилкой кусок омлета, попробовал. Он ел с аппетитом, причмокивая. Иногда он отвлекался от еды и поднимал нежный взгляд на меня, его губы двигались, морщинки на лице проявлялись при улыбке и вновь исчезали. Как будто он говорил мне что-то. Я повернулась к окну. Там, на улице, шла девушка. На ней был длинный синий плащ, она шла медленно, рассеянно смотрела по сторонам, словно искала кого-то. И точно, через минуту выбежал пёс. Девушка радовалась и говорила что-то своему питомцу, потрёпывая его по голове. Пёс дышал, от наслаждения прикрыв глаза. Муж дёрнул меня за плечо. Я повернулась. Его губы шевелились, я слышала издаваемые им звуки, но отчего-то они не могли собраться и стать чем-то осмысленным. Слова переплетались, становясь безумной, бессмысленной тканью. Я старалась уловить хоть один знакомый звук, но не могла. Я посмотрела на детей. Те в растерянности махали ручонками, напряжённо глядели на меня, пытались что-то мне объяснить, почти кричали. Я думала о том, что я чужая в этом доме, полном уюта, который создала не я, а другая женщина. Что кто-то другой сидит в этой кухне, пьет кофе и смотрит на свою семью. А я настоящая где-то в другом месте. Что настоящая Я делает? Пишет письмо – замирает перед написанным, стирает и пишет заново, боится поведать лишнее; заполняет список дел в ежедневнике, что блестит чёрной обложкой; купается в тёплом бассейне, превозмогая усталость, плывёт для того, чтобы вода унесла с собой все её тяжёлые мысли; занимается любовью со случайным мужчиной, целует его влажным ртом, пробует ладонью тепло его брюк; ужинает в ресторане, заказывает слишком большую порцию, думает о фигуре, но не может остановиться, перестать это есть. Я вновь посмотрела в окно. Может быть, я эта девушка в длинном плаще, что гуляет с собакой? Подними подол, ты запачкаешься, дай поводок, ты не правильно выгуливаешь моего пса! Лучше иди в дом, там тебя заждались. А я? Я пойду дальше, я буду идти вперёд и ни разу не обернусь, ведь прошлое – обитель несчастных. Я молода и не знаю, что ждёт меня впереди. Это пугает, но это счастье.

Отправитель

Я ненавижу природу. Я сжимал её и давил. Когда она, поскуливая, пыталась ласкаться, я кричал на неё. Я был грозен и непреклонен. Я брал камни и кидал их, вырывал растения с корнем и топтал. Вы должны понять меня, ведь от природы одни проблемы. Из-за неё мы вынуждены стареть и меркнуть, любить и плодиться ей во славу. И потому я мстил ей.

Недавно я придумал одну шутку. Каждое субботнее утро, около девяти, я сажусь за стол и достаю белый лист и ручку. Далее я пишу всё, что придет мне в голову – как я провёл неделю, какова погода за окном, что я планирую делать, но чаще я пишу свои мысли или вопросы. Письма были подобны тем, что я описал выше.

Мой почерк мелкий, наклонен в правую сторону, отрывистый, что говорит обо мне как о человеке импульсивном, несдержанном. Все буквы выступают в определенном стиле, за исключением двух. «А» – узкая, с заостренным верхом. Буква «Т» перекинута как мостик между соседними буквами. Сверху неё, точно облако, парит чёрточка. Письма я отправлял по несуществующим адресам. Точнее, я не проверял их достоверность. В строку адреса я писал всё, что приходило в голову, например, ул. Беспардонная, д. 6А, кв. 69. Мне было интересно, получу ли я ответ. Ежедневно я проверял почтовый ящик и думал о том, что даже если получатель существует, ответит ли он на мою околесицу? Даже ваши реальные собеседники иногда слушают вас, преодолевая скуку, что же говорить о незнакомцах, которые, как птицы, сидят уютно в гнёздышках, заняты своими проблемами и делами. Им не до вас, не до меня. В сущности, никому нет до нас дела. Но по странной привычке мы продолжаем задавать вопросы. По нелепому обстоятельству мы жаждем узнать больше, чем сумеем вынести. Я ждал ответа. Каждый день я с радостью уходил с работы. Я предвкушал. Перед тем как заглянуть в почтовый ящик, я начинал сомневаться, однако повторял: «Верь. Ведь только тем, кто верит, дарован шанс познать истину». И я верил. Я обезопасил себя верой, точно забором, от возможного разочарования, а потому не слишком расстраивался, когда ящик оказывался пуст.

Прошёл месяц, а я не терял веры и каждый вечер проверял холодный ящик. От разочарования на глаза наворачивались слёзы, и я бил кулаком в стену. Затем, успокоившись, я говорил себе, что ещё не время, и поднимался в квартиру. Дома я заваривал чай, смотрел на улицу и представлял, как однажды кто-то напишет мне ответное письмо. Мечтал о том, каким оно будет и что будет чувствовать незнакомец по другую сторону, когда будет мне писать. Обругает ли он меня? Выразит недоумение: «Мы разве знакомы?» Испугается моего вмешательства в чужую жизнь? Кто ты, мой таинственный получатель? Кто ты, к кому я стремлюсь? Почему я втягиваю тебя в этот бессмысленный диалог? Почему обяжу тебя к ответу, одним своим голосом, своим отрезвляющим немолчанием? Наконец, настал этот день. День, ознаменовавший собой новое начало. Как обычно вечером я подошёл к ящику. Надеялся ли я на что-то или готовился к очередному разочарованию? Я надеялся. Сердце сладко билось, а уставшее сознание искало признаки удачи – то дверца закрыта необычно, то выглядывает уголок бумаги, правда, это всегда оказывался рекламный лист. И вот я медленно открыл дверцу так, как будто письмо, подобно птице, могло упорхнуть из ящика, запустил руку и собрался было разочарованно вздохнуть, как пальцы вдруг нащупали письмо. Вытащил я его очень быстро. Оно было великолепно, совершенно несравнимо с тем, каким я рисовал его в мечтах. Закройте глаза на минуту и представьте, что в ваших руках конверт безупречной белизны, в правом верхнем углу на нем приклеены марки. Марки – красочные, а на них изображен наш городской собор. В графе отправитель – не я, а другой человек. Адрес – один из тех, что я написал наугад. Имя – обыкновенное. Часто простые имена скрывают даже самых необычных людей. Это был ответ на письмо, что я показал вам в начале. Внутри конверта... Нет, подождите. Давайте ещё немного оттянем этот миг. Мы забываем почти о самом главном моменте в получении письма

– раскрытие конверта. От нетерпения мне хотелось его разорвать – порвать пальцами, может быть даже зубами. Но я успокоился и зашел в квартиру. Там я отыскал самый острый небольшой нож и аккуратно, чтобы не повредить содержимое, раскрыл его. Удивительно, но письма в конверте не оказалось, там было что-то другое. Я перевернул конверт, и оттуда выпорхнул лист. Но не лист бумаги, а самый обычный лист, что растут на деревьях. В пути он немного помялся и оставил в конверте кусок черешка. Я рассматривал его пластину, испещрённую мелкими жилками, и думал о том, что именно хотел сказать мой получатель, чему хотел научить, каким видел он наш диалог? Наконец, когда поиск ответов меня утомил, я положил лист на стол, аккуратно разгладил и со всей силой ударил по нему кулаком и бил до тех пор, пока он не отпечатался зелёным соком на моих руках.

Скорбь

Прошла неделя с тех пор, как умерла жена Игоря Михайловича. Было непривычно не видеть её то в кухне над обедом, от которого валит пар, то в любимом кресле с книгой в руке. Он не мог поверить, что её нет. Удивление сменилось ужасом, и, наконец, пустота и оцепенение поселились в его душе.

Он ходил по квартире и не мог найти себе места. Каждый предмет напоминал о ней: её расческа, недочитанная книга, шкаф с одеждой. Иногда Игорь Михайлович доставал оттуда платье жены и подолгу сидел с ним, прижимая к себе. При этом он печальным взглядом проходил по комнате, что-то вспоминая. Но не будем надолго задерживаться на его лице, которое в такие моменты казалось одновременно одухотворенным и пугающим, не будем смотреть пристально на него, ведь никто не любит, когда так смотрят, пытаясь заглянуть в душу.

Однажды вечером Игорь Михайлович включил телевизор. Канал сменялся каналом, пока он не остановился на рекламе. Опрятного вида молодой мужчина, сочувственно склонив голову, говорил Игорю Михайловичу:

– Совсем недавно вы потеряли близкого человека? Вам тяжело? Вы тоскуете по нему?

Игорь Михайлович кивнул и увеличил громкость.

– В вашем доме, где ещё недавно царил покой и уют, теперь душающая пустота? – на этих словах мужчина отворил дверь дома. Внутри была пожилая женщина. Она сидела на диване с погребальной урной в руках. Мужчина зашёл в дом и сел рядом с ней. Одобряюще похлопав её по плечу, он заговорил вновь: – Это Маргарита Семёновна. Недавно она потеряла горячо любимого супруга. Они прожили в счастливом браке 30 лет. Правильно ли просто придать покойного земле, бессмысленно закопать его? Не лучше ли сохранить от него хоть что-то? Что-то большее, чем бесплотное воспоминание. Наша новая разработка поможет вам в этом, – мужчина достал из-за дивана предмет, похожий на цветочный горшок, и отдал его старухе. – Специальная установка, созданная нашим центром, позволит использовать прах вашего близкого как основу жизни растения. Вот сюда вы закладываете землю. Сажаете в неё зерно того растения, которому мог бы соответствовать ваш близкий. Маргарита Семёновна, давайте покажем зрителям, как наш прибор работает.

Старуха улыбнулась, поставила прибор перед собой и достала из-за дивана мешок с землёй. Землю она засыпала в верхнее отделение установки. Туда же она положила зерно и аккуратно защипнула землю вокруг. Затем она достала миниатюрную лейку и полила будущее растение. Наконец старуха выдвинула отделение посередине прибора и засыпала туда прах мужа.

– Теперь, когда Маргарита Семёновна посадила растение, нажмём кнопку на дне корпуса. После этого нам остается лишь поместить прибор в любимое место покойного и ждать, пока растение вырастет. Ну что, Маргарита Семёновна, мы пойдем. Ваш муж снова рядом, и, быть может, теперь вам будет не так одиноко, – мужчина повернулся к камере – но и вы можете вернуть близких. Скажите «нет» одиночеству. Позвоните по номеру на экране и закажите наш прибор прямо сейчас. Только сейчас при заказе прибора – мешок земли и диск с музыкой для роста растения в подарок. Успеете заказать прямо сейчас. Звоните.

Игорь Михайлович потянулся к телефонной трубке.

* * *

На следующий день Игорь Михайлович принёс домой коробку с прибором из рекламы внутри. Он поставил прибор рядом с креслом жены и, согласно инструкции, посадил в нём зерно.

Шли дни, Игорь Михайлович ухаживал за растением так тщательно, как только мог. Кормил его лучшими удобрениями, поливал чистой водой, читал ему перед сном, выходил с ним на прогулку, чтобы оно дышало свежим воздухом и грелось на солнце.

Наконец, появились первые ростки, крохотные, осторожно вытянулись они над землёй. Игорь Михайлович ощутил невообразимую гордость за своё «чадо». Он представлял жену ещё ребенком, который только-только делает первые шаги, ошибается, падает, чтобы затем встать и пойти навстречу неузнанному, притягательному миру.

Но в его счастливой жизни бывали и тревожные дни, например когда растение вдруг пересохло на солнце. Тогда Игорь Михайлович сидел над ним, лечил, развлекал чтением книг и просмотром фильмов, приносил фрукты, но съедал их, правда, сам. Когда растение выздоравливало, Игорь Михайлович радостный выходил с ним на прогулку.

Не успел Игорь Михайлович оглянуться, как растение выросло. Раскрылись на нём первые цветки, наполнив квартиру приятным ароматом. Игорь Михайлович восхищенно любовался женой, не без гордости показывая её знакомым. Всё в ней было прекрасно, почти как в прошлом. Она была так же молчалива и хороша собой, но Игорю Михайловичу всё же чего-то не хватало. Общения. Тогда он решил завязать знакомства с другими парами.

* * *

В гостиной Игорь Михайлович с женой принимали: Григория Александровича Шмыгло с женой Светланой, чудесной гарденийей; Елену Михайловну Ростову с мужем-фикусом по имени Вячеслав; и, наконец, Кирилла Алексеевича Почкаева с женой Виолеттой – бегонией.

Поначалу разговор как-то не клеился. Стало ясно, что от таких отношений супруги разучились говорить. Ведь если никто не спрашивает тебя о том, как прошёл твой день или о других, пускай простых предметах, не мудрено разучиться говорить вовсе.

Первые минуты сидели они в молчании, а Игорь Михайлович пытался развить беседу. Он ненавязчиво предлагал темы, казалось, близкие всем: погода в городе, уход за растениями, прошлая жизнь супругов. Первым разговорился самый угрюмый из присутствующих – Григорий Шмыгло. Исподлобья взглянув на присутствующих, он пробурчал:

– Жена моя, Светлана, женщиной была хорошей. Готовить умела и вообще по хозяйству была в большом таланте. Весёлой была, всех и каждого рассмешить могла. А как захохочет на всю улицу, хоть глаза от стыда прячь, но никто и не посмотрел бы на неё зло, до того она была хорошая.

На этом он замолчал и устался в пол.

– Что же вы говорите «была», если она есть? Вот, с вами, – весело отвечал ему Игорь Михайлович.

Шмыгло грустно посмотрел на растение, вздохнул, грузно поднялся с дивана и вышел из комнаты.

– Чего это он? – спросил Игорь Михайлович жену, но она отчего-то ему не ответила. Весь вечер она, казалось, была безучастна ко всему вокруг.

«Надеюсь, она не заболела снова», – с тревогой подумал Игорь Михайлович.

Стараясь отогнать от себя подобные мысли, он спросил ласково:

– Кирилл Алексеевич, давно ли ваша жена...

– Что вы имеете в виду? – отвечал ему Кирилл Алексеевич. Говорил он быстро, лицо его казалось чересчур подвижным. Так, собеседник не успевал уловить эмоцию на нём, как она сменялась другой. – Давно ли моя жена «того»? Бедная моя голубушка, рыбонька... А иногда тигрица, ей-богу! Ух! Сказать по правде, моя ненаглядная никогда и не существовала на свете.

– То есть как? – спросил Игорь Михайлович.

– Хи-хик. Да, так и есть, золотце моё всегда цветочком и было. Растения, скажу я вам, лучше людей! – на том он встал, взял свой цветок и удалился из комнаты, как и предыдущий гость.

Игорь Михайлович вздохнул и, с лицом человека, который уже готов ко всему, повернулся к последнему гостю.

Женщина застенчиво улыбнулась:

– Можно я сразу уйду?

– Конечно, – с облегчением ответил Игорь Михайлович.

Женщина забрала мужа-фикуса и вышла из комнаты.

Игорь Михайлович сначала расстроился, но затем повернулся к жене и сказал:

– Ну, ничего, милая, с другими парами пообщаться не вышло, зато сейчас мы снова только вдвоём. Ты и я.

В ответ растение начало стремительно увядать. Будто весь вечер оно держалось из последних сил и теперь, расслабившись, отдалось воле природы. У Игоря Михайловича перехватило дыхание от ужаса. Листья растения потемнели, прожилки на них стали чёткими, вздулись точно вены. Растение опускалось к земле, сдувалось, как воздушный шар. Происходило это настолько быстро, что Игорю Михайловичу оставалось только с ужасом за этим наблюдать. Он упал на колени, осторожно касался понурого стебля и увядших листьев, руками подкапывал вокруг растения землю, поливал её слезами. Но скоро он понял, что как бы он ни пытался, в этот раз её не спасти. Теперь она окончательно принадлежит другому миру.

Скорбь, точно растение, стала разрастаться. Она множилась, высасывала его душу, питалась горем. Вырастала, выпускала всё новые губительные побеги, отравляя всё живое, что было в нём.

Разум человека

Небесная редакция

Действующие лица

Адам Адамович, главный редактор на небесах. Мужчина на вид лет пятидесяти, полноватый с лукавой искоркою в маленьких, узко посаженных глазах.

Саша Пушкин, «русский поэт, драматург и прозаик. Ещё при жизни Пушкина сложилась его репутация величайшего национального русского поэта» (с) (*см. Википедия*)

Марина Львовна, секретарь Адама Адамовича, крупная женщина, воплощение так называемой Russian woman из тех, что «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт».

Упомянутые лица

Ева Адамовна, жена Адама Адамовича, дочь Адама Адамовича и Евы Адамовны, урожденной Адамовой.

Лев Толстой.

Возможно Сергей Есенин.

* * *

Небеса. Приёмная в кабинет к редактору. Рядом с дверью в кабинет сидит, нахохлившись словно несущка, Марина Львовна. Она беспрестанно что-то жуёт, успевая в то же время должным образом выполнять свои обязанности – вежливо хамить в телефонную трубку дозвонившимся счастливым. На скамейке напротив неё сидят писатели, в том числе Саша Пушкин. Его глаза печальны, он переживает поход к редактору, как современный homo sapiens поход к зубному.

Марина Львовна.

Сижу уж тут я долгий век,
И чтоб один хоть человек
Приличный вдруг сюда зашёл.
А нет! Заляпают мне стол
Настойкой сладкой иль вином,
А могут тут забыться сном,
Как этот вот...

Со скамейки медленно, с блаженной улыбкой на лице, сползает поэт (возможно Есенин).
Марина Львовна (задумчиво).

Ад или рай – а всё одно,
Но это и не мудрено:
Ведь если пьянь и психопат —
Не факт, что путь тебе лишь в ад.

*Дверь открывается, из неё с важным видом выходит Адам Адамович.
Адам Адамович (обращаясь к Пушкину).*

Сашок, давай-ка проходи,

(Обращаясь к Льву Толстому.)

А ты, с бородкой, не чуди!
Хватило мне ещё в тот раз
Занудства твоего на час.

*Толстой обиженно смотрит в пол. Пушкин и Адам Адамович заходят в кабинет.
Адам Адамович.*

Не стой в дверях, давай, входи,
На стул садись-ка, проходи.
Тебя как гостя здесь я жду,
А не на каторгу веду.

*Пушкин садится напротив редактора.
Адам Адамович.*

Я стул, смотри, какой достал.
В Икее нынче заказал.
Удобно ль, сударь? Каково?
Я долго выбирал его.

Короче, Саша, дело есть.
Советую – сочти за честь.
Заказик сверху. Получай.
Вот письмецо, давай, читай.

Саша Пушкин (читает вслух).

«Окинув взором царствие земное,
Я обнаружил вдруг, в каком застое
Мы с вами пребываем.
Повсюду блеск – и сумки, штучки.
Купите туфли, может брючки,
А мы о них не знаем!

И Ева ваша в балахоне
Безвкусном, скучном щеголяет,
Что взгляд, конечно, не цепляет.
И каждый час на телефоне
Всё молится: "Владыко, Отче,
Вы наше ВСЁ, Великий Зодчий"
(И всякий бред несёт, короче).

Мне надоело всё, нет мочи!

Купи ей туфли-лабутены,
Картину закажи на стену.
Скажи, оставит пусть в покое.
Твоя жена ведь, что такое!

Пусть брэндю молится отныне,
На то его и создавали,
А я – Господь, хоть и ревнивый,
Да давно это было».

Пушкин удивлённо смотрит на редактора. Тот кивает головой – мол, дальше читай.

«И классиков – стихи, романы —
Всё безнадёжно устарело.
И вот к тебе какое дело:
Велю созвать сынов моих,
Тех, что талантом наделил.
Перепечатать тексты их
И править, что есть сил».

Адам Адамович.

Вы, сударь, что-то побледнели.

(Звонит Марине Львовне.)

Мариш, водичку, в самом деле.

(По-отечески ласково к Пушкинцу.)

Наш гость немножечко раскис?
Не по душе вам сей сюрприз?

(На этот раз говорит жёстко.)

Собрался, Саша, ну-ка быстро!
Сказали – сделаем всё чисто.
Начнём мы с дочки Капитанской
И сразу правим «Депутатской».

Не спорь, Сашок, не в том ты праве.
Законы чти в чужой дубраве.
Мы к актуальности стремимся?
Тогда и тут мы поживимся:

Мы Пугачева здесь оставим,
Но мы мотив его подправим:

«Против коррупций восстает»
И внешний вид – «он безбород».

Владеет домом на Рублёвке
И не идёт он на уловки,
Чтоб заработать капитал.
От лжи порочной он устал.

И цель его – очистить Русь.
Да, ты, Сашок, сиди, не трусь,
И Машку мы твою оставим.
Ну, может быть, другой представим.

(Правит.)

«Выходит барышня, она
В шелках и вся ваще в ажуре
В тигровой дорогушей шкуре...

Адам Адамович задумывается в порыве вдохновения.

...На голых розовых плечах
“Вот это дива, это вау!” —
Подумал сразу наш Петруша...»

Саша Пушкин.

О, Боже мой, отрежьте уши!

Падает в обморок. В этот момент в кабинет входит Марина Львовна. Она плавно покачивает бёдрами из стороны в сторону, а в руках у неё поднос со стаканом воды.

Марина Львовна (смотрит на Сашу Пушкина).

А этот дурик что лежит?

Адам Адамович (раздражённо).

Он за тобой во сне следит!

Марина Львовна.

Какие мы сегодня злые.

(Наклонившись к Саше П.)

Очнулся, чудик? Глазки шире...

*Марина Львовна выходит из кабинета. Пушкин поднимается с побагровевшим лицом.
Саша Пушкин.*

Не для того ведь я писал,
Чтобы сейчас такой нахал
Безвкусно мои тексты правил
И в строчке автор «Пушкин» ставил!

Кидает в редактора перчатку.
Адам Адамович.

Сашок, постой, не кипятись.
Али не помнишь ты, мой милый,
Как в прошлый раз в дуэль сошлись
Ты и другой такой красивый?

Чем все закончилось, скажи?
Ты ведь рассказчик, расскажи!
А если ты сейчас не сядешь,
Из текста деда потеряешь.

Саша Пушкин.

Савельича? Помилуй, дядя.

Адам Адамович.

Я вырежу его, не глядя...

Саша Пушкин.

Добро, тогда я замолкаю...

Адам Адамович.

Я этому не возражаю.
Упрямство, Саша, тяжкий грех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.